

К 60-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО, ЛЕНИНГРАДСКОГО, СОВЕЩАНИЯ ПО ВОПРОСАМ ЛАНДШАФТОВЕДЕНИЯ

В. И. Федотов, С. В. Федотов

Воронежский государственный университет, Россия

Поступила в редакцию 30 мая 2015 г.

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы регламента ландшафтного совещания, достижения и проблемы.

Ключевые слова: совещание, ландшафтоведение, районирование.

Abstract: The questions of the landscape conference regulations, its achievements and problems are considered in the article.

Key words: conference, landscape study, geographic demarcation.

В середине апреля 1955 года в городе на Неве состоялось первое совещание по вопросам ландшафтоведения. Организатор совещания – Географическое общество СССР, а куратором встречи географов Большой страны выступил вице-президент Общества академик С. В. Калесник. На ландшафтное совещание в Ленинград съехалось 60 представителей географических факультетов университетов и пединститутов, научно-исследовательских учреждений.

Регламент совещания был весьма прост. В первый день, 15 апреля, было заслушано три заказных доклада основных инициаторов совещания: «Задачи и методы ландшафтных исследований» (А. Г. Исаченко, Ленинградский госуниверситет); «Основные вопросы ландшафтного районирования юга Русской равнины» (Ф. Н. Мильков, Воронежский госуниверситет); «Комплексные физико-географические исследования в Зарайском районе Московской области» (Ю. Н. Цесельчук, Московский госуниверситет). Все три доклада были составлены на опыте региональных полевых исследований: А. Г. Исаченко – картирование низших морфологических частей ландшафта (района) Карельского перешейка; Ф. Н. Мильков поделился с участниками совещания опытом исследований типологических природно-территориальных комплексов (типов местности и типов урочищ) для целей физико-географического районирования, проводимых на территории Центрально-Черноземных областей; Ю. Н. Цесельчук, используя 3-х летний

опыт экспедиционных исследований в Зарайском районе Московской области, заострил внимание участников на методике полевых ландшафтных исследований и некоторых теоретических итогах изучения природно-территориальных комплексов.

Два следующих дня, 16 и 17 апреля, продолжалось большей частью конструктивное обсуждение заслушанных докладов. В прениях прозвучало 24 выступления, включая С. В. Калесника дважды (вступительное и заключительное слово), и три выступления с заключительным словом основных докладчиков А. Г. Исаченко, Ф. Н. Милькова и Ю. Н. Цесельчука. Активность проявляли ленинградцы – С. В. Калесник, А. Г. Исаченко, А. Г. Григорьева, А. В. Королев, С. П. Альтер, Н. В. Крылов, Н. С. Чочиа, Н. Н. Соколов, О. Н. Казакова, Е. Е. Шведе, В. Д. Лопатин, А. Ф. Цыганенко, А. Я. Степанов, В. Б. Сочава¹.

Обратим внимание читателя лишь на некоторые наиболее значимые выступления участников совещания. Открыла прения К. В. Кавришвили, обратившая внимание участников на совмещение методов зонального и азонального при ландшафтном районировании горных стран на примере изучения южного макросклона Большого Кавказского хребта.

В выступлении К. И. Геренчука главное внимание было сосредоточено на выборе оптимального масштаба съемок при картировании природ-

¹ Тексты докладов, обработанная стенограмма выступлений в прениях и решение Совещания опубликованы в «Известиях ВГО», 1955, т. 87, вып. 5.

но-территориальных комплексов (1 : 300000 – 1 : 500000). Солидаризируясь с Ф. Н. Мильковым, низшей единицей картирования, считал К. И. Геренчук, должно быть урочище, как часть ландшафта, имеющая определенную однородность с точки зрения хозяйственного использования.

Н. А. Гвоздецкий остановился на ключевой проблеме ландшафтоведения – понятии ландшафт. Согласно Н. А. Гвоздецкому «изучение типов и видов физико-географических комплексов (ландшафтов в его понимании) дает широкие перспективы для внедрения результатов физико-географических исследований в практическую деятельность»².

Многоплановую дискуссию провел Д. Л. Арманд, остановившийся на нескольких проблемах – о задачах ландшафтоведения; множественности природных границ; целеполагании при ландшафтном районировании («некоторые из выступавших высказывали мнение, что можно создать ландшафтное районирование, пригодное для всех случаев жизни. Это не верно»); о низшей единице районирования («нижний предел географического изучения и районирования определяется только практической надобностью»). Особое внимание Д. Л. Арманд обратил на ценность ландшафтных карт для целей народного хозяйства. При этом, по его мнению, усилия географов целесообразно сосредоточить на двух направлениях.

1. «Необходимо, как это предложил К. И. Геренчук, [создать – В. Ф., С. Ф.] общесоюзную среднемасштабную карту ландшафтного районирования для начала хотя бы миллионного масштаба. Эта карта найдет применение в Госплане и ряде министерств как основа рационального районирования сельского хозяйства.

2. Необходимо разработать легенду и методику составления крупномасштабных (1 : 10000 – 1 : 25000) планов кадастра земельных угодий и по контурных описаний к ним, практически проверить их на ключевых участках в разных зонах и составить наставление по качественному учету земель для дальнейшего использования его практическими работниками низовых органов министерств сельского хозяйства и совхозов».

В. Б. Сочава затронул несколько дискуссионных проблем, а именно:

1) изучение ландшафта не только как целого комплекса, но и его частей (компонентов) «под углом зрения тех функций, которые они в ландшафт-

те используют»; 2) место ландшафтоведения в системе географических наук; 3) проблема природных рубежей – неосновная при районировании; 4) является ли ландшафт основной единицей районирования.

Некоторым диссонансом на совещании прозвучало выступление в прениях К. Г. Рамана (Латвийский госуниверситет). В стенограмме не нашло отражения, чтобы кто-то из выступавших после него, включая итоговое выступление председательствующего академика С. В. Калесника, смог прокомментировать затронутые им вопросы. Причина – аудитория не была готова к оценке поднятых К. Г. Раманом проблем, связанных с антропогенными изменениями в ландшафте.

Знакомство с кратким отчетом совещания показывает, что дискуссия по всем трем заслушанным докладам носило заинтересованный, конструктивный характер. Примечательно, что высказанные докладчиками суждения были восприняты участниками совещания с разной степенью признания.

Стенограмма позволила определить лидеров и аутсайдеров по количеству упоминаний персон докладчиков на протяжении двух дискуссионных дней. Так, Ф. Н. Мильков упоминается – 30 раз, А. Г. Исаченко – 20, Ю. Н. Цесельчук – 5. Иные участники имеют по сравнению с лидерами заметно более низкие рейтинги – Н. А. Гвоздецкий упоминается 14 раз, Д. Л. Арманд – 11, В. Б. Сочава – 8, С. В. Калесник – 6.

Итак, определяя значение первого совещания по проблемам ландшафтоведения спустя значительный промежуток времени можно выделить несколько объективных итогов.

1. Согласно Ф. Н. Милькову [2]: «Ленинградское совещание по вопросам ландшафтоведения (1955) открывает новый ландшафтный этап в развитии советской комплексной физической географии (курсив – Ф. Милькова). Учения о ландшафтных комплексах и географической оболочке стало оказывать с этого времени заметное воздействие на частные физико-географические науки; были найдены пути по внедрению результатов ландшафтных исследований в практику; укрепились позиции новых направлений – геохимии и геофизики ландшафта (с. 318).

2. Очень многие, выступающие в прениях, отмечали, что разногласия носят больше терминологический характер (К. И. Геренчук). Эту же позицию на совещании неоднократно подтверждали в своих выступлениях кроме К. И. Геренчука

² Цитируется здесь и далее по обработанной стенограмме, опубликованной в «Известиях ВГО», 1955, т. 87, вып. 5.

В. К. Жучкова, Е. Е. Шведе, В. Д. Лопатин, В. Б. Сочава, А. Г. Исаченко, Ф. Н. Мильков.

Пройдет не так много времени после Ленинградского совещания и те участники, которые склонны были считать, что принципиальные расхождения в теоретических построениях изучения ландшафтов носит терминологическую окраску, сами стали инициаторами терминологического шума. В частности мы имеем ввиду В. Б. Сочаву. Вот что писал по этому поводу Ф. Н. Мильков [2]: «Пределом чуждого отечественной географии языка служат работы В. Б. Сочавы о геосистемах. И. П. Герасимов (1975, с. 115) подчеркивал, что в высказываниях В. Б. Сочавы трудно добраться до смысла «сквозь густой частокол» новых и произвольных словообразований» (с. 22).

Идея унификации терминологии в ландшафтной географии поднималась неоднократно, но не получила положительного решения. Развитие этого мотива пошло, как нам кажется, по совершенно правильному пути – публикация специализированных терминологических словарей (Ф. Н. Мильков Словарь-справочник по физической географии. – Москва: География, 1960. – 270 с.; Охрана ландшафтов. Толковый словарь /отв. редактор В. С. Преображенский/. – Москва: Изд-во Прогресс, 1982. – 271 с.; Ф. Н. Мильков, А. В. Бережной, В. Б. Михно Терминологический словарь по физической географии. – Москва: Высшая школа, 1993. – 288 с.; Четырехязычный энциклопедический словарь терминов по физической географии. – Москва: Советская энциклопедия, 1980. – 703 с.).

3. Как показало дальнейшее развитие теории ландшафтоведения, расхождение на совещании по принципиальным вопросам оказалось не только терминологическое. Так, развернувшаяся дискуссия о содержании понятия ландшафт, где выявилось три варианта толкования термина, сохраняется до сих пор: 1) ландшафт – общее понятие применимое к любой категории природно-территориальных комплексов; иначе ландшафт – синоним природно-территориального комплекса (Ф. Н. Мильков); 2) ландшафт – физико-географический район (С. В. Калесник, А. Г. Исаченко); 3) ландшафт – вид (тип) физико-географического комплекса (Н. А. Гвоздецкий). В конечном итоге в третьем издании БСЭ были отражены все три варианта [1].

4. Совещание подтвердило объективное существование в границах географической оболочки природно-территориальных комплексов (ландшафтов).

5. Многие участники совещания были солидарны, что морфологические структурные единицы ландшафта урочища и фации – основные комплексы, которые в первую очередь изучаются при полевых исследованиях и подлежат отображению на ландшафтных картах.

Большинство участников совещания поддержало мнение о том, что в природе следует различать типологические и региональные комплексы. А. Г. Исаченко [4] в заключительном слове по этому поводу говорил: «Наличие тех и других в географии не может вызывать сомнений» (с. 474).

6. Разошлись позиции участников совещания по вопросу существования низшего географического комплекса. В этом вопросе оказалось по меньшей мере три контрастных точки зрения: 1) Д. Л. Арманд [4] – нельзя в принципе устанавливать нижний предел деления географических комплексов – все зависит от практических потребностей; 2) в полемическом заключительном слове А. Г. Исаченко [4] утверждал, «что все категории географических комплексов, до фации включительно, изучаются г е о г р а ф о м» (с. 478); 3) Ф. Н. Мильков [4] категорически в то время считал – «фации не являются объектом географического изучения» (с. 479). Но пройдет немало времени после первого совещания по вопросам ландшафтоведения и Ф. Н. Мильков пересмотрит свое первоначальное мнение по этой проблеме. Он фактически признает, что фации приходится действительно изучать как структурные части урочищ. Позволю предположить, что в изменении взглядов Ф. Н. не последнюю роль сыграли исследования его коллеги по кафедре доцента К. А. Дроздова, который был увлечен поиском того «кирпичика», который участвует в строительстве природно-территориального комплекса. Для К. А. Дроздова таким «кирпичиком» была фация.

7. Ленинградское совещание показало важность ландшафтных исследований для решения проблем рационального природопользования. Подводя итог этой теме, С. В. Калесник [4] отметил, «что географы резко отошли от чисто академического отношения к своей работе и круто повернулись к обслуживанию хозяйственных потребностей нашей страны» (с. 483).

Завершая анализ итогов первого ландшафтного совещания в Ленинграде, считаю необходимым остановиться на двух аспектах, играющих ключевую роль в устранении существующих противоречий и ошибочных представлений в науке о ландшафтах.

1. Ни на Ленинградском ландшафтном совещании (1955), ни на последующих Львовском (1956), Тбилисском (1958), Рижском (1959), Московском (1961), Алма-Атинском (1963), Пермском (1974), Московском (2006) совещаниях, ни в монографических или статейных публикациях не была поставлена фундаментальная проблема ландшафтоведения, проблема ландшафтогенеза как общепланетарного процесса возникновения и существования и самой ландшафтной сферы Земли, и множества выстилающих ее ландшафтных (природно-территориальных) комплексов (курсив наш – В. Ф., С. Ф.). В ландшафтоведении неоднократно предпринимались неудачные попытки установить генезис и историю развития ландшафтных комплексов. Понятно, что происхождение и история развития природно-территориальных комплексов имеет отношение к ландшафтогенезу, но слабо отражает его сущность. По нашему мнению при изучении ландшафтогенеза необходимо ответить как минимум, на следующие вопросы: 1) энергетическая основа ландшафтогенеза; 2) особенности миграции вещества, энергии и информации; 3) структура ландшафтогенеза; 4) типы ландшафтогенеза и его региональная специфика.

2. До сих пор не произошло заметного использования достижений экологии в ландшафтоведении. На Ленинградском совещании была робкая попытка (В. Д. Лопатин) использовать в дискуссии экологические индикаторы, но они не были восприняты.

Проникновение достижений экологии в ландшафтоведение, по нашему мнению, устранило бы ряд теоретических недоразумений, укоренившихся в науке о ландшафтах. Например, что стоит про-

блема равнозначности и неравнозначности компонентов («сильные», «слабые» компоненты), слагающих ландшафтные комплексы. В экологии известно правило равнозначности компонентов, образующих экосистему. Комментировать излишне. Еще один пример. В ландшафтоведении бытует бездоказательное представление о том, что если в природном комплексе по каким-либо причинам нарушить один из слагающих его компонентов, то произойдет изменение всего комплекса. В экологии известен принцип Ле Шателье-Брауна, суть которого заключается в том, что при внешнем воздействии, выводящем систему (ландшафтную – читай) из состояния устойчивого равновесия, равновесие смещается в том направлении, при котором эффект внешнего воздействия ослабляется [3]. Принцип исключительно актуален для понимания степени нарушенности квазиландшафтов в процессе хозяйственного освоения и прогноза их ренатурализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Исаченко А. Г. Ландшафт географический / А. Г. Исаченко // Большая советская энциклопедия : в 30 т. – Москва : Советская энциклопедия, 1973. – Т. 11. – С. 144.
2. Мильков Ф. Н. Физическая география: современное состояние, закономерности, проблемы / Ф. Н. Мильков. – Воронеж : Издательство Воронежского университета, 1981. – 400 с.
3. Реймерс Н. Ф. Природопользование : словарь-справочник / Н. Ф. Реймерс. – Москва : Мысль, 1990. – 637 с.
4. Совещание по вопросам ландшафтоведения (краткий отчет) // Известия Всесоюзного географического общества. – 1955. – Т. 87, вып. 5. – С. 449-484.

Федотов Владимир Иванович
доктор географических наук, профессор, декан факультета географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета, г. Воронеж, т. (473) 266-07-75, E-mail: deanery@geogr.vsu.ru

Федотов Сергей Владимирович
кандидат географических наук, доцент, заведующий кафедрой рекреационной географии, страноведения и туризма факультета географии, геоэкологии и туризма Воронежского государственного университета, г. Воронеж, т. (473) 266-56-54, E-mail: deanery@geogr.vsu.ru

Fedotov Vladimir Ivanovitch
Doctor of Geographical Sciences, Professor, Dean of department of geography, geoeology and tourism, Voronezh State University, Voronezh, tel. (473) 266-07-75, E-mail: deanery@geogr.vsu.ru

Fedotov Sergey Vladimirovitch
Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor, Head of chair of recreational geography, country study and tourism, department of geography, geoeology and tourism, Voronezh State University, Voronezh, tel. (473) 266-56-54, E-mail: deanery@geogr.vsu.ru